

всего была опера — счастливое соединение драмы и симфонии, совершенное наслаждение искусством. Если вальтеровские места были отданы другим, то мы не унывали, простаивая часами сперва перед кассой, затем у театрального входа, лишь бы только оказаться среди первых, когда открывались двери. Слегка усталые, но в высшей степени в прекрасном настроении слушали потом "Гибель богов" или "Травиату". Стоя, конечно!

Почти столь же волшебное, как и сама постановка, даже в некотором отношении еще чудеснее, было, когда Бруно Вальтер проигрывал своим дочерям и нам что-нибудь из оперной партитуры".

Таков был музыкальный опыт писателя Клауса Манна. Поэтому музыка Чайковского произвела

носимое одиночество, в котором ему приходилось жить, боль, которая вновь и вновь хочет превратиться в мелодию, в красоту, — я мог все это описать, ничто из этого не было мне чуждо. Даже если бы и не было никаких документов, свидетельствующих о его жизни и чертах его личности, прекрасная жалоба его адажио, затравленные ритмы его аллегро говорили достаточно: делом рассказчика было только произнести это мелодическое откровение, облечь в слова эту певучую исповедь.

Особенности его таланта, его художественный стиль тоже были слишком смешанными, слишком переливчатыми, слишком космополитичными, чтобы где-нибудь быть целиком признанными. В России он слыл "западным", в светской меланхолии Чайков-

... "Во время путешествия у меня явилась мысль другой симфонии, на этот раз программной, но с такой программой, которая останется для всех загадкой, — пусть догадываются, а симфония так и будет называться Программная симфония (№ 6)... Программа эта самая что ни на есть проникнутая субъективностью", — писал Петр Ильич Чайковский любимому племяннику Владимиру Давыдову в феврале 1893 года.

Рос. муз. газета. — 2000. — № 4. — С. 8

Клаус Манн

"ПАТЕТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ"

Роман о Чайковском

В 1935 году издательство "Квентидо" в Амстердаме выпустило в свет роман молодого немецкого писателя Клауса Манна "Патетическая симфония. Роман о Чайковском".

Клаус Генрих Томас Манн (1906—1946) — старший сын великого немецкого писателя Томаса Манна, второй ребенок его многодетной семьи. Детство Клаус провел в Мюнхене, в родительском доме. Его восприимчивая натура впитала разнообразные художественные впечатления. И одно из самых сильных — музыка, которая сопровождала Клауса долгие годы. О своей жизни он рассказал в последней книге "На повороте. Жизнеописание", впервые вышедшей на русском языке в 1991 году.

В ней повествуется о семье писателя, о детских и отроческих годах в доме отца, о путешествиях, исканиях молодости. Клаус рассказывает о круге друзей — писателях, художниках, артистах Европы и США 20—40-х годов; о своем неприятии фашизма в Германии, что привело его к вынужденной эмиграции. Много лет он прожил в США.

Автор семи романов, сборников рассказов, двух пьес, дневников Клаус Манн в течение многих лет подвергался травле. Его мятущаяся, одаренная натура так и не нашла успокоения при жизни. 21 мая 1949 года в Каннах Клаус Манн покончил с собой.

Обращение молодого писателя к творчеству русского композитора было далеко не случайным. Клаус Манн знал, любил и чувствовал музыку Чайковского. С детства он с благоговением относился к музыке, вся атмосфера в доме отца была пронизана ею. Близким другом семьи Маннов был музыкальный руководитель Мюнхенской оперы, выдающийся дирижер Бруно Вальтер. Часто вместе с сестрой Клаус посещал концерты, музыкальный театр.

"Музыка была чем-то прекрасным и возвышенным, особенно когда за дирижерским пультом стоял Бруно Вальтер; театр был еще лучше. Но наилучшим из

на него такое глубокое впечатление, поведала ему самое потаенное о великом композиторе.

Роман Клауса Манна подробно рассказывает о жизни композитора, его путешествиях, встречах, друзьях, о концертах. Много внимания уделено отношениям с Владимиром Давыдовым, мыслям и переживаниям по поводу разрыва с Н. Ф. фон Мекк. "Патетическая симфония" К. Манна — художественное произведение, а не музыковедческий труд, поэтому автор кое-что домысливает за своего героя.

Вот что пишет о своем романе Клаус Манн в книге "На повороте": "Я избрал этого героя, потому что люблю его и знаю его: я знаю о нем все. Я люблю его музыку, она мне по душе, часто она словно выражает самое сокровенное. "Великая" ли это музыка? Я знаю только, что она мне нравится. Разумеется, я знаю также, что автор слишком уж сладостной сюиты "Щелкунчик" и слишком уж эффектной музыкальной картины "1812" не Бетховен, не Бах. Но какой повествователь откажется ввязаться за этих титанов? У меня бы мужества не хватило. Как раз сомнительность его гения, надломленность его характера, слабость художника и человека, делали его близким, понятным, достойным любви.

Его нервное беспокойство, его комплексы и его экстазы, его страх и его взлеты, почти невы-

ского критикам не хватало варварской жизненной силы Мусоргского; немцы упрекали его за "азиатскую дикость", к чему еще, на взгляд лейпцигских и берлинских знатоков, добавлялось служившее помехой французское влияние. В Париже, напротив, находили его слишком "германским": подражатель Бетховену, гораздо менее типично русский, чем популярный Римский-Корсаков.

Он был эмигрантом, изгнанным не по политическим причинам, но потому, что нигде не чувствовал себя дома, нигде не был дома. Он страдал всюду. В конце концов пришла слава — эта ироническая, по большей части запоздалая награда за мученичество, которое не знает оплаты и утешения.

Утешения не существует. Безутешный знаменитый Петр Ильич умрет своей безутешной, затаенной смертью... Труд жизни Чайковского, особенно же его последний опус, является лишь прелюдией к этой одинокой смерти. Потому я люблю его музыку. Поэтому я написал свой роман "Патетическая симфония".

Ирина БОБЫКИНА.

От редакции. Нам бы не хотелось заканчивать повествование на столь грустной ноте, хотя судьба Клауса Манна — автора книги о Чайковском, глубоко трагична. Его отец Томас Манн писал своему другу Герману Гессе через полтора месяца после гибели сына: "Эта сокращенная жизнь сильно и грустно занимает меня. Мое отношение к нему было трудным и не свободным от чувства вины, потому что ведь моя личность заранее бросала тень на его личность... Тем не менее он был замечательно талантлив". Возможно, кому-то захочется поделиться с читателями "Музейного листка" своими размышлениями о книге "Патетическая симфония" и ее авторе. В послесловии к немецкому изданию романа (выпуск 1991 года) М. Грегори-Деллин намекает на тесную связь структуры книги и образной наполненности отдельных ее глав непосредственно с музыкой симфонии Петра Ильича. Он полагает, что скрытая программа Шестой симфонии, о которой писал Модест Ильич Чайковский в письме к одному из зарубежных корреспондентов, стала для Клауса Манна путеводной нитью при написании романа. Насколько крепка эта нить, каждый читатель книги может решить для себя сам.

Редактор "Музейного листка" И. А. Медведева